

Идентичность личности и нации
как объект манипулятивного воздействия
в условиях гибридной войны

Лариса А. Манерко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, wordfnew@mail.ru

Аннотация. Термин *identity* (идентичность), сформировавшийся в английском языке в XVII столетии, все время переосмыслялся под влиянием дискурса отдельных языковых личностей в разных областях знания, указывая на тождество и ее самоидентификацию. В статье раскрывается то, как в XX в. под влиянием психологических концепций разведены понятия самопознания и самоидентификации личности. Идентичность личности и нации подвергаются целенаправленному манипулятивному воздействию под влиянием политико-идеологических факторов.

Социолингвистический и когнитивный конструкт национальной принадлежности на материале мультимедийного дискурса на английском и тем более на русском языках подвергается жесткому давлению и противостоянию на основе намеренно ложной информации, подмены одних понятий другими, полуправдивой информации и фейков, касающихся как исторического прошлого, так и настоящих событий, представленных в коммуникации. В работе представлены элементы подобного конструкта и обозначены приоритетные позиции сочетаемости в двух языках, а также комментируется диаграмма встречаемости слова *идентичность* в XX и XXI вв. Формирование «асимметричной референциональной соотносительности» происходит в рамках гибридности информационной войны и происходящих событий, направленных на русскоязычную культуру и человеческое сознание.

Ключевые слова: identity, идентичность, лингвокультурное сообщество, профилирование, мультимедийный дискурс, противостояние, ментальный конструкт, фреймовая структура, фейки

Для цитирования: Манерко Л.А. Идентичность личности и нации как объект манипулятивного воздействия в условиях гибридной войны // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 3. С. 165–177. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-3-165-177

Personal identity and national identity as an object
of manipulative influence in the framework of the hybrid war

Larissa A. Manerko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
wordfnew@mail.ru

Abstract. The term *identity*, which was formed in English in the 17th century, has been reinterpreted all the time under the influence of the discourse of individual language personalities in

different fields of knowledge, pointing at the sameness and identification. The article reveals how the concepts of self-knowledge and self-identification of a person were separated in the 20th century under the influence of psychological concepts. Personal and national identities are purposefully affected by manipulative influence of political and ideological factors.

Sociocultural and cognitive construct of the national identification in English and particularly in Russian mass-media discourse is affected by the rough pressure and confrontation on the basis of intentionally false information, substitution of one concept for another, partially true information and fakes, related to the historical past and present events represented in communication. The paper presents elements of a construct and outlines priority positions of combinability in the two languages as well as comments the diagram of occurrence of the word *identity* in the 20th and 21st centuries. The formation of “asymmetric referential correspondences” occurs in the framework of the hybrid information war and happening events aimed against the Russian culture and human mind.

Keywords: identity, linguocultural community, profiling, multimedia discourse, confrontation, mental construct, framework structure, fakes

For citation: Manerko, L.A. (2025), “Personal identity and national identity as an object of manipulative influence in the framework of the hybrid war”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 165–177, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-3-165-177

1. Тенденции развития семантики слова *identity* во второй половине XX в.

Семантика слова *identity* в английском языке постоянно подвергалась изменениям под влиянием дискурса отдельных языковых личностей в разных областях знания [Манерко 2023]. Идентификация отдельной личности описывалась на основе соотношения с конкретной территорией (*land, territory*), государством/страной (*state, country*), ее гражданами (*people, citizens, population*) и определенной нацией и народностью (*nation, nationality*)¹. Но понимая, что концепт, указывающий на единицу языка, «является динамичным по своей природе и может меняться по мере развития цивилизации», мы можем наблюдать «изменения системы ценностей определенной культуры и приобретения опыта и знаний конкретным индивидом» [Заботкина и др. 2022, с. 34].

Именно подобная эволюция содержания слова *identity* фиксируется, начиная с 50-х годов XX в. под влиянием психологических концепций рассмотрения личности. На значение слова оказывает влияние его непосредственное окружение, среда, жизненные и коммуникативные ситуации. В теории психоанализа З. Фрейда (1856–1939) психоаналитическая теория личности учитывает неосознаваемые психические процессы у человека на основе его идентификации. Основными функциями человеческого «Я» (эго) выступают *адаптивная* (умение приспосабливаться к изменяющейся окружающей действительности) и *организующая* (совокупность социальных норм и запретов, регулирующих поведение человека),

¹ *Комова Т.А.* Концепты языка в контексте истории и культуры: Курс лекций. М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 8.

которые формируются через межличностные отношения под влиянием установок и контроля со стороны общества и государства.

«Идентичность» как чувство личного тождества самого себе и исторической непрерывности далее развивает ученик Э. Фрейда Э.Х. Эриксон, связавший концепцию своего учителя и идеи гуманистической психологии [Кочетков 2012]. Эриксон выявил факторы влияния на ребенка в процессе его взросления – это непосредственное социальное окружение (семья), среда и общество. Идентичность формируется на двух уровнях: 1) *индивидуальный* уровень (*Я-идентичность*) предполагает восприятие себя как тождественного, целостного через осознание непрерывности своего существования и собственного опыта во времени и пространстве через организацию прошлого опыта в индивидуальное «Я» под влиянием социальных характеристик; 2) *социальный* (групповой) уровень, включающий восприятие того, как другие признают мое тождество и непрерывность, превращающийся «в определенное эго в рамках социальной реальности» [Эриксон 2023, с. 7]. Каждый из уровней идентичности имеет два полюса: положительный – то, каким человек должен быть с точки зрения своего социального окружения, и отрицательный – то, каким он быть не должен.

Эта концепция находит отражение на сайте, созданном неким Нима, который указывал, что его областью деятельности является именно идентичность – *identity*. Его желание разобраться с этим понятием вызывает удивление у его собеседников (*they glare back with a perplexed expression*). Что же именно смущает его собеседников? Приведем представленный отрывок с этого сайта: *Every time I tell someone about identity, my field of work, they glare back with a perplexed expression. Why does the word “identity” confuse people so much? Surely this has something to do with it being one of the most overloaded terms in the history of technology, business, and humanities*². Автор уподобляет слово *identity* модному словечку (*buzz-word*) и делает это для того, чтобы объяснить его содержание (*demystify the word*).

Это слово используется в разных областях, но оно уводит нас в область психологии. Как становится понятным из текста Нима, описание ведется с точки зрения когнитивного развития индивида, причем смешиваются сознательно или неосознанно (а может быть от незнания) два этапа становления личности. В работах Эриксона период 12–19 лет называется пубертатом (юностью) и является ключевым этапом развития личности, формирующим эго-идентичность, а 20–25 лет – это начало взрослого возраста, когда происходит проверка найденной на предыдущем этапе самоидентификации [Эриксон 2023]. Автор сайта Нима смешивает два этих периода взросления подростка – период самопознания (познания самого себя) и период формирования идентичности (собственной личности), которые представляют собой разные этапы взрослеющей личности, благодаря чему размываются некоторые важные понятия, входящие в объект рассмотрения. У него самоидентичность (*self-identity*) входит в более широкое понятие «когнитивной идентичности» (*cognitive identity*) и выступает в качестве синонима, ср. его текст: *The one and most important instance of cognitive identity is that of the self, also known as self-identity, which is also used synonymously as such by psychologists. This is the concept referred to in the sentence: “She felt her identity transform after having her first child”*. Происходит нарушение категориальных отношений вышестоящего и подчиненного уровней в категоризации.

² Nima's notes, 2021. What “identity” means. URL: <https://nimakam.com/identity/topics/what-identity-means.html> (дата обращения 15 ноября 2024).

Специалисты в области психологии, как правило, четко отделяют *самопознание* (познание самого себя), и то, каким подрастающий человек видит этот мир и какими становятся его ценности, с тем, как происходит *самоидентификация личности*, которая наступает несколько позже. Период ожидания ребенка (хотя он может совпадать с подростковым по временному периоду) не соответствует пониманию описываемых понятий. Говоря про подростковый период становления личности через его собственное самопознание под влиянием школы и СМИ в западном сообществе, планомерно навязывается мнение о социальной, половой и расовой идентичности, что оказывает влияние на сознание неокрепшей и еще не сложившейся личности. Самоидентификация личности в англоязычной культуре становится зависимой от ряда черт, которые индивид приписывает себе в процессе социализации в обществе (пол, этничность, раса, в меньшей степени конфессиональная принадлежность). Важными характеристиками становятся отдельность, индивидуальность, выделенность, опирающиеся на субъективизм и индивидуализм, формирующееся индивидуалистическое мировоззрение.

Автор сайта сводит описание к тому, что ментальная область включает самопознание жительницы США к упрощенному пониманию индивида – сексуальным отношениям, работе и приобретению (см. рис. 1). На следующем рисунке (рис. 2) понятие «идентичность» необходимо для оформления документов и заполнения слотов в виртуальной или цифровой области.

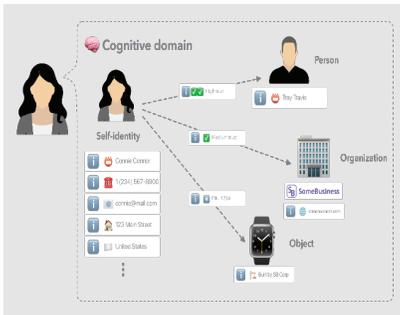

Рис. 1. Схематическое описание когнитивной области идентичности

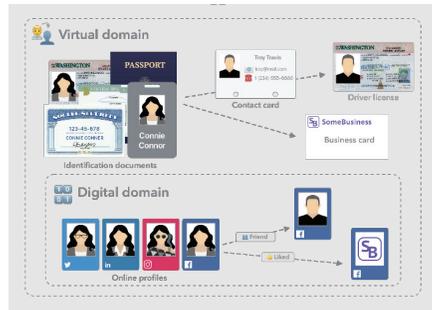

Рис. 2. Деловая документация идентичности

Создается довольно упрощенное понимание понятия идентичности. Автор сайта пишет не о ментальном и профессиональном росте, а о том, что политики (а это указание на авторитарное мнение и убеждение в правильности утверждения [ван Дейк 2013, с. 97]) пользуются понятием социальной (разделяемой) идентичности, ср.: *Political scientists use identity, or shared identity, in aggregate form and in the context of social collective consciousness. For example, shared identity is used here: “The African-American community’s identity is partly defined by their common experience of discrimination”*³. При

³ Nima’s notes, 2021. What “identity” means. URL: <https://nimakam.com/identity/topics/what-identity-means.html> (дата обращения 15 ноября 2024).

этом среди социальных идентичностей выделены только расовые (афроамериканское сообщество) и намеренно делается вывод об «общем опыте дискриминации» в коллективном сознании, когда вступают в действие образы «своего» в противовес «чужому». Создается впечатление, что данная публикация была намеренно представлена в сети, чтобы перепрофилировать стандартное развитие концепта *identity* и подменить определенные смыслы на иные. По мнению В.И. Заботкиной, подобные коммуникативные ситуации ведут к «когнитивным искажениям в восприятии дискурса и реальности», которые способны «в процессе манипуляции» заменить фактическую информацию на подменяемую, при этом задействовать «такой механизм, как *unconscious bias* (неосознаваемое предубеждение)» [Заботкина 2023, с. 42–43].

Описание единицы *identity* в электронном словаре выявило 9 значений, которые в большинстве своем не представлены в бумажных словарях (два из них фиксируются в логике и математике): 1) the state or fact of remaining the same one or ones, as under varying aspects or conditions: *The identity of the fingerprints on the gun with those on file provided evidence that he was the killer*; 2) the condition of being oneself or itself, and not another: *He began to doubt his own identity*; 3) condition or character as to who a person or what a thing is; the qualities, beliefs, etc., that distinguish or identify a person or thing: *a case of mistaken identity; a male gender identity; immigrants with strong ethnic identities*; 4) the state or fact of being the same one as described; 5) the sense of self, providing sameness and continuity in personality over time and sometimes disturbed in mental illnesses, as schizophrenia; 6) exact likeness in nature or qualities: *an identity of interests*; 7) an instance or point of sameness or likeness: *to mistake resemblances for identities*⁴. Приводимые примеры все время настраивают читателя на то, что концепт идентичности в английском языке в основном указывает на юридические и криминалистические области влияния на личность. Изучение синонимов слова *identity* в английском языке, предлагаемых в том же словаре, раскрывается на основе трех рядов синонимов, на первое место выходит значение исключительности и непохожести, а только затем личности: 1) индивидуальность, уникальность и непохожесть на других представителей сообщества, самобытность индивида и его индивидуальные черты, ср.: *individuality, personality, uniqueness, selfhood, distinction, distinctiveness*; 2) посредством слов, указывающих на личность и индивидуальность: *personality, person, individual, figure, character*; 3) подлинность показывается через ряд прилагательных, отражающих оттенки значения «личный»: *private, personal, individual, intimate, direct*. Идентичность от обозначения отдельной личности перенесена на обозначение идентичности коллективного. Русский врач, философ и мыслитель К.Н. Леонтьев еще во второй половине XIX в. подчеркивал мысль о том, что «европейская мысль поклоняется не личности, достигшей особой степени развития, но просто индивидуальности всякой, и всякого человека желает сделать равноправным и счастливым...»⁵.

Начиная с 70-х годов и в течение последующих двух десятилетий в англоязычном дискурсе мы наблюдаем увеличение публикационной активности со словом *identity*, которое стало претендовать на выход за рамки субкатегориального уровня лексической категории, все больше подчеркивая индивидуальность и отличие от

⁴ Identity, 2022. Dictionary.com. URL: "IDENTITY Definition & Meaning | Dictionary.com" (Accessed 15 November 2024).

⁵ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М.: Академический проект, 2017. С. 57.

английском языке на интернет-сайтах (см. примеры о социальной идентичности с сайта Нимы или из словаря Dictionary.com), где указывается на противопоставление «мы» и «они», «свой» и «чужой».

Еще одним интересным источником является описание идентичности в Стэнфордской энциклопедии (первая редакция статьи – декабрь 2004 г., вторая – 2022 г.). Авторы соглашаются с тем, что много споров ведется вокруг понятия идентичности из-за критериев с его выделением в целом, указанием на индивидуальность и непохожесть. В определении они перечисляют оттенки смыслов слова: «понятие идентичности среди возможных миров и вопрос о релевантности правильного анализа представляет собой модальный дискурс как объект исследования; понятие вероятной идентичности; вопрос, является ли идентичность отношением или оно сходно со сложными отношениями; и понятие неясной идентичности» (перевод автора статьи), ср. оригинал: “the notion of *identity across possible worlds* and the question of its relevance to the correct analysis of *de re* modal discourse; the notion of *contingent identity*; the question of whether the identity relation is, or is similar to, the composition relation; and the notion of *vague identity*”¹⁰. Следует пояснить первое из приведенных значений: понятие о возможных мирах используется в философском дискурсе, фиксирующем различные мыслимые состояния бытия, которые противопоставлены существующему в действительности в настоящее время. Можно сделать вывод о том, что авторы Стэнфордской энциклопедии не могут точно квалифицировать это понятие, но предлагаемая неясность формулировок и уход к нечетким определениям, в некоторых случаях с отсылкой к философскому дискурсу, имеет прямое отношение к тенденции манипулятивного воздействия на человеческое сознание, язык и культуру через различные виды идентичности.

Слово действительно выходит на более широкие контексты в рассмотрении содержания единицы. Т. ван Дейк в монографии «Дискурс и власть» отмечает, что в западных странах образ «чужого» представляет собой противника определенного типа «свободы», в том случае если ты не разделяешь сходный тип существующих ценностей. Когнитивная модель противника определенного типа «свободы» формирует противодействие, направленное на того, кто не разделяет такие же ценности, и стратегию «удержания элитарных групп под внешним и внутренним контролем», выстраивая «фрагменты доминирующей идеологии» [ван Дейк 2013, с. 57]. Дальнейшее понимание идентичности в англоязычном дискурсе оформилось через понимание морали, культуры общества, определенного типа «свободы» социального опыта человека через систему противоположных отношений «хорошо/плохо», «свой/чужой», «правда (истина)/ложь» и др. Это привело к активному внедрению понятия идентичности (отдельности и исключительности) в сознание индивидов на индивидуальном и коллективном уровнях сознания в процессе коммуникации, что напрямую связано с чувством превосходства одних наций над другими. В этом состоит психологическая и идеологическая интервенция в человеческое сознание, и особенно не своих, а чужих наций и общностей.

Особое влияние в идеологии доминирования принадлежит лексике, которая фиксируется в других иностранных языках, таргетированных на смену идеоло-

¹⁰ Identity, 2022. Dictionary.com, available at: “IDENTITY Definition & Meaning | Dictionary.com” (Accessed 15 November 2024).

гических составляющих эмоционально-ценностных парадигм и соответственно понятий. Подобных примеров фиксируется достаточно в разных языках и культурах. В связи с этим следует вспомнить еще одно мнение К.Н. Леонтьева, который указал: «Индивидуализм губит индивидуальность людей, областей и наций»¹¹.

2. Употребление слова *идентичность* на материале русского языка и культуры

В русском языке и культуре традиционно использовались слова *общество, нация, народ, народность, этнос, этническая* и *языковая общность, лингвокультурное сообщество*. Все эти термины относятся не только к человеческим знаниям, но и мнениям, «установкам и оценкам, к пониманию целей познания и способов его получения, а также к *желательности, необходимости или же возможности* получения определенных сведений о мире» [Кубрякова 2004, с. 381].

В концептуальной картине мира русскоязычного человека важными чертами выступают семейные ценности, духовность, нравственность и те смыслы, которые предполагают понятия нации, государства, языка, территории, связь с историей народа, христианства, многоконфессиональности и пр. Культурно-историческим, «духовным ядром Руси-России является православие – главная идея русской цивилизации, определяющая суть и границы ее самобытности. Именно на фундаменте православия строилась русская, а затем российская цивилизация. Это очевидный и во многом бесспорный факт» [Киселев, Лубков 2024, с. 271].

В статье В.И. Тюпы о концепте идентичности в нарративах преодоления социокультурной угрозы отмечается мысль о том, что «собственно межличностные отношения», как правило, не подлежат описанию [Тюпа 2022, с. 102]. Автор отмечает, что социокультурные идентичности «конфессиональные, сословные, профессиональные, поколенческие, гендерные и т. п. – не являются чем-то сверхличным. Национальная идентичность народа, позволяющая размежевать «свое» и «чужое», представляет собой не мистический «народный дух», а совокупность национальных самоидентичностей множества людей» [Тюпа 2022, с. 103].

Автор на примере древнерусского текста «Повести о разорении Рязани Батыем» (1237 г.) указывает, что «угроза ослабления и утраты идентичности собственно и составляет едва ли не главенствующую социокультурную угрозу. ...Не сохранивший, не отстаивший свою *честь*, обесчещенный человек утрачивал самоидентичность, переставал «быть самим собой», не оставался тождественным самому себе» [Тюпа 2022]. На угрозу руководствоваться чужой «поганой волей» и «угрозу утраты ими в результате покорения именно социокультурной идентичности» глава Рязанского княжества Юрий Игоревич призвал предпочесть завоеванию – смерть. Указанная историческая повесть представляет собой «*нарратив противостояния угрозе чести*», а рязанцы «занимают позицию *стоического неподчинения*» [Тюпа 2022].

¹¹ Леонтьев К.Н. Указ. соч. С. 59.

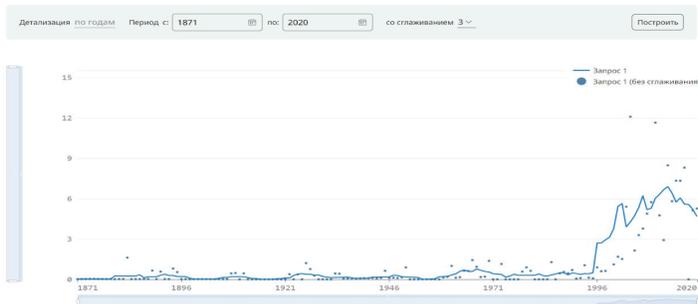

Рис. 4. Использование слова *идентичность* в русских текстах (с 1871 по 2020 г.)

Национальный корпус русского языка наглядно показывает, что лексема *идентичность* появилась в 1871 г.¹² На протяжении XIX и XX столетий можно наблюдать небольшие подъемы в использовании термина *идентичность*, но наиболее частое использование четко прослеживается именно с 1996 по 2020 гг., и вплоть до нынешнего дня, когда благодаря сильному англоязычному влиянию это новое слово с не совсем понятным и нечетко определяемым смыслом подменяет другие понятия в категории «человеческое общество» (см. рис. 4). П. Хардер еще в 2014 г. отмечает, что наблюдается *подмена основных категорий в дискурсе*, и это связано с интенсивным использованием, в том числе понятия «этническая идентичность» [Harder 2014, p. 22]. На эти примеры сочетания слова *идентичность* указывают также и прилагательные с выделением параметров частотности употребления: этнический (10,34), этнокультурный (9,71), гендерный (8,78), личностный (7,96), цивилизационный (7,96), национально-культурный (7,42), национальный (7,24) и т. д.¹³ (Идентичность; НКРЯ).

В современную эпоху в противовес понятиям антропоцентрической лингвистики «языковая личность», «лингвокультурное сообщество», описывающим человеческий фактор в языке, понятие *идентичности* влилось в русский язык как сложный социоисторический и когнитивный конструкт. Оно пытается заполнить отдельное место описываемой категории, связанной с самоопределением и чувством национального достоинства» и соответственно слоты субфрейма «этнокультурная и языковая общность», провоцируя конфликтные ситуации, подогреваемые извне

¹² Данные приведены на момент написания статьи – 11.11.2024. При перепроверке 15.02.2025 было обнаружено, что в НКРЯ добавляется пример 1857 г.: *Тогда мы осуждали бы въ писатель нашемъ попользованя къ идентичности, точно также, какъ теперь съ сокрушеннымъ сердцемъ указывали на его колебаня въ сторону жоржъ-сандизма и дидактики* (А.В. Дружинин. «Повести и рассказы И. Тургенева», 1857). В данном примере русский писатель, литературный критик и член редколлегии журнала «Современник» А.В. Дружинин, друживший со многими писателями и поэтами того времени (Л.Н. Толстым, Д.В. Григоровичем, И.А. Гончаровым, И.С. Тургеневым и А.Н. Островским), пишет об исключительной особенности поэтического творчества И.С. Тургенева, которое он подвергает критике.

¹³ См. портрет слова *идентичность* в НКРЯ.

«как самоопределение нации». В.И. Заботкина и ее соавторы отметили, что особое место принадлежит киберпсихологическим угрозам, под которыми подразумевается в том числе «угрозы личности, психологическому здоровью человека, его идентичности, взглядам и т. п., осуществляемые посредством Интернета или других современных способов коммуникации» [Заботкина и др. 2022, с. 35].

Вторжение англоязычного термина *identity* и некоторых других в русский словарный состав и культуру принесло не только эмоционально-оценочную семантику и игру смыслов для тех, кто знает и понимает семантику английской единицы, но и «когнитивные искажения в восприятии дискурса и реальности». Эти восприятия связаны с развитием конфронтаций международного масштаба и противодействия, когда речь идет об отсутствии применения вооруженных сил и военных действий напрямую, а наблюдается участие инструмента «сочетание кибервойны, скрытых операций и диверсий», «войны суверенитетов», направленных на «чужую» сторону. Подобные действия названы концептом гибридной войны, когда происходит «широкомасштабная война, развернутая группой стран в поддержку одного из участников вооруженного конфликта» [Гуревич 2022, с. 24].

Л.С. Гуревич, описывая концепт гибридной войны и его многослойность, отмечает, что подобное описание опирается на «три основных компонента: 1) политическая война; 2) экономическая война и 3) информационная война», которая особое внимание уделяет «двусмысленности многих интерпретаций», что в большей степени указывает на то, что такая война имеет направленность не столько на мир объектов, сколько на сознание конкретных людей и социум [Гуревич 2022, с. 25]. В контекстах медийного и политического дискурса задействуется манипулятивное воздействие на сознание – это механизмы *неосознаваемого предубеждения* (unconscious bias) и *неосознаваемой двусмысленности* (unconscious ambiguity) [Заботкина 2023, с. 42–43]. Эти неосознаваемые предубеждения и двусмысленности связаны с человеческим осмыслением новых реалий в традиционной картине мира русскоязычного человека, они оформляют новый концептуальный сдвиг в значении слова *идентичность* уже в анализируемой концептосфере русскоязычной картины мира.

Многие термины получают совершенно иное толкование, и можно наблюдать в дискурсе международных СМИ «интерактивную письменную коммуникацию», которая «указывает на тенденцию к полной приверженности публики к той или иной пропаганде и на мизерную долю критически настроенных граждан разных стран, способных мыслить логически и сопоставлять факты», что напрямую связано с «рефреймингом мышления населения» [Гуревич 2022, с. 25]. Автор указывает, что фрейм «гибридная война» организуется в западных странах как обвинения Агрессора (РФ) в посягательстве на Жертву (Украина), что изначально было связано с «политическими и социальными противоречиями между регионами (нациями)» [Гуревич 2022]. Автор указывает на «*асимметричную референциальную соотношенность геополитической составляющей*» гибридной войны, где «главствующую роль играет пропаганда, использующая механизмы искажений и референций» [Гуревич 2022]. При этом особое место принадлежит сходности развития сценариев номинируемых явлений, которые направлены на представление полуправдивой информации, подмены понятий, ложной информации и использование фейков.

Особое место в понимании происходящих тенденций к замене структур знаний во фреймах занимает историческое знание совместно с языковыми и мыслительными структурами и особенно с такой информацией, которая далека от достоверности

и получила название фейка [Шарапкина, Меркулова 2023, с. 159]. Авторы, опираясь на мнение отечественных и зарубежных специалистов, пишут про информационную и когнитивную войну: «1) это искусство использования технологий для изменения мышления людей-мишеней, которые часто не подозревают об этом; 2) использование киберинструментов для изменения процессов мышления противника, ...*когнитивных искажений* или рефлексивного мышления, *провоцирование искажений мышления*, влияние на принятие решений и создание препятствий действиям, что приводит к негативным последствиям как на индивидуальном, так и на коллективном уровне» [Шарапкина, Меркулова 2023, с. 160–161]. Дезинформирующая информация distraint дополнительные субфреймы, связанные с переосмыслением новых реалий в традиционной картине мира русскоязычного человека. Авторы описали пять основных когнитивных механизмов: эффект узнаваемости, тиражируемость, стремление к формированию конгруэнтной картины мира, способность нового знания менять старые структуры и внимание к эмоциональной, а не фактической стороне сообщения» [Шарапкина, Меркулова 2023, с. 176]. Мы наблюдаем, что подобные механизмы привносят несколько иные ценности в русскоязычную культуру нации. Но тот, кто в состоянии задуматься над содержанием картины мира и возможностями манипулятивного воздействия на человеческое сознание, в состоянии противостоять когнитивным нарушениям и искажениям, манипуляциям и подмене составляющих в предлагаемой информации в рамках разных типов дискурса.

Заключение

В статье подробно был рассмотрен термин *identity* в английском и русском языках. В XX в. термин *идентичность* в социальном аспекте стал оказывать воздействие на культуры и языки других лингвокультурных сообществ, например на русскоязычную картину мира. Это психологическое и идеологическое воздействие происходило в обществе под влиянием множества внешних экстралингвистических факторов. Манипулятивное воздействие приводит к трансформации личностной идентификации отдельной языковой личности и к пониманию идентичностей наций и народностей. К явлениям манипуляции оказалось применимо понятие ложной и полуживой информации, а также фейки, которые направлены на информационные и когнитивные изменения, фальсификацию типов знания в сознании человека-мишени.

Интегративный подход к проблеме фальсификаций любого типа знания является приоритетным в настоящее время в связи с массовой интервенцией информационного потока, гибридной войной и в особенности с позиции «интегрированного знания в рассмотрении дискурса, когда мы имеем дело с подменой фактов, полуправдой и подменой истины ложью» [Шарапкина, Меркулова 2023, с. 176]. В гибридной войне отмечается тенденция к «асимметричной референциальной соотносительности геополитической составляющей» [Гуревич 2022, с. 25].

Необходимо учить, в том числе молодое поколение, определять существующие информационно-психологические и киберугрозы, направленные на отдельные языковые личности и тем более национальное самосознание лингвокультурного сообщества, показывать особенности дискурсов через механизмы оценки информационной безопасности своего государства в сопоставлении с другими внешними силами.

Литература

- Герман 2012 – *Герман Н.Ф.* Теоретические основания исследования идентичности личности в динамичном мультикультурном мире // Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 8–42.
- Гуревич 2022 – *Гуревич Л.С.* Многослойный концепт гибридной войны // Военно-гуманитарный альманах: Лингвистика. Язык. Коммуникация. Перевод: Материалы XVI Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. М.: Военный ун-т Министерства обороны РФ, 2022. Вып. 7. Т. 2. С. 23–33.
- ван Дейк 2013 – *ван Дейк Т.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.
- Заботкина 2023 – *Заботкина В.И.* Когнитивные механизмы смыслопорождения в дискурсе: манипулятивный аспект // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (54): Когниция, коммуникация, дискурс: Современные аспекты исследования. Ч. 1. Тамбов: Издат. дом «Державинский», 2023. С. 40–43.
- Заботкина и др. 2022 – *Заботкина В.И., Воробьева О.В., Бархатова Э.И.* Угрозы XXI века: репрезентация в ментальных моделях и в новой лексике // Социокультурные угрозы: реальность, ментальные модели и дискурс. 2-е изд. М.: Издат. дом ЯСК, 2022. С. 29–51.
- Киселев А.Ф., Лубков 2024 – *Киселев А.Ф., Лубков А.В.* Русская цивилизация: особенности становления и самопознания // Преподаватель XXI век. 2024. № 2. Ч. 2. С. 269–287.
- Кочетков 2012 – *Кочетков В.В.* Национальная и этническая идентичность в современном социальном мире // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162.
- Кубрякова 2004 – *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке. М.: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.
- Манерко 2023 – *Манерко Л.А.* Самоидентификация личности как отражение трех категориальных сдвигов в семантике терминосферы // Когнитивные исследования языка. № 5 (56): Язык и знание: на пути получения знания о языке, человеке и мире: материалы Круглого стола по когнитивной лингвистике, 8–10 ноября 2023. М.: МГЛУ, 2023. С. 60–68.
- Тюпа 2022 – *Тюпа В.И.* Концепт идентичности в нарративах преодоления социальной угрозы // Социокультурные угрозы: реальность, ментальные модели и дискурс. 2-е изд. М.: Издат. дом ЯСК, 2022. С. 102–118.
- Шарапкина, Меркулова 2023 – *Шарапкина А.А., Меркулова А.М.* Фейки в контексте взаимодействия исторического знания с языковыми и мыслительными структурами: междисциплинарная модель // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. С. 157–187.
- Эрикссон 2023 – *Эрикссон Э.Х.* Идентичность и цикл жизни. М.: ООО «Издательская группа “Прогресс”», 2023. 207 с.
- Harder 2014 – *Harder P.* National identity. Conceptual models, discourses and political change “Britishness” in a social cognitive linguistics // *Cognitive Linguistic Studies*. 2014. Iss. 1 (1). P. 22–54.

References

- van Deijk, T. (2013), *Diskurs i vlast': reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikaciji* [Discourse and power], Knizhnyi dom «Librokom», Moscow, Russia.
- German, N.F. (2012), “Theoretical basis for study of the personal identity in the dynamic multicultural world”, in Aznacheeva, E.N., ed., *Lingvističeskie aspekty issledovaniya identičnosti lichnosti v izmenjajushchemsya mire* [Linguistic aspects of study of personal identity in the dynamic world], Entsiklopediya, Chelyabinsk, Russia, pp. 8–42.
- Gurevich, L.S. (2022), “Multilayered concept of the hybrid war”, in *Voенno-gumanitarnyi al'manakh: Lingvistika. Yazyk. Kommunikatsiya. Peregod: Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po aktual'nyim prob-*

- lemam teoriu yazyka i kommunikatsii* [Military-humanitarian almanac. Linguistics. Language. Communication. Translation. Proceedings of the 16th International Scientific Conference on Current Issues of Language and Communication Theory], vol. 2, iss. 7, Voennyi universitet Ministerstva oborony RF, Moscow, Russia, pp. 23–33.
- Harder, P. (2014), "National identity. Conceptual models, discourses and political change 'Britishness' in a social cognitive linguistics", *Cognitive Linguistic Studies*, vol. 1, iss. 1, pp. 22–54.
- Erikson, E.H. (2023), *Identichnost' i cikel zhizni* [Identity and the life cycle], ООО "Izdatel'skaya gruppa 'Progress'", Moscow, Russia.
- Kiselev, A.F. and Lubkov, A.V. (2024), "Russian civilisation. Specifics of formation and self-cognition", *Prepodavatel' XXI vek*, no. 2, part 2, pp. 269–287.
- Kochetkov, V.V. (2012), "National and ethnic identity in the modern social world", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya*, no. 2, pp. 144–162.
- Kubryakova, E.S. (2004), *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke* [Language and knowledge. On the way to getting language knowledge], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Manerko, L.A. (2023), "Self-identification as a reflection of three categorial shifts in the terminological sphere semantics", in Irishanova, O.K., ed., *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], vol. 56, no. 5, MGLU, Moscow, Russia, pp. 60–68.
- Sharapkova, A.A. and Merkulova, A.M. (2023), "Fakes in the context of interaction between the historical knowledge and language and cognitive structures. Crossdisciplinary model", *Nauchnyi dialog*, vol. 12, no. 2, pp. 157–187.
- Тyпyп, V.I. (2022), "The identity concept in the narrative of overcoming social threats", in Zabotkina, V.I., ed., *Sotsiokul'turnye ugrozy: real'nost', mental'nye modeli i diskurs* [Sociocultural threats. Reality, mental models and discourse], Izdatel'skii dom YaSK, Moscow, Russia, pp. 102–118.
- Zabotkina, V.I. (2023), "Cognitive mechanisms of sense-production in discourse. Manipulative aspect", in *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], vol. 54, iss. 3, Izdatel'skii dom "Derzhavinskii", Tambov, Russia, pp. 40–43.
- Zabotkina, V.I., Vorob'eva, O.V. and Barkhatova, E.I., (2022), "Threats of the 21st century. Representation in mental models and new lexicon", in Zabotkina, V.I., ed., *Sotsiokul'turnye ugrozy: real'nost', mental'nye modeli i diskurs* [Sociocultural threats. Reality, mental models and discourse], Izdatel'skii dom YaSK, Moscow, Russia, pp. 29–51.

Информация об авторе

Лариса А. Манерко, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119296, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; wordfnew@mail.ru

Information about the author

Larissa A. Manerko, Dr. of Sci. (Philology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, 1, Leninskye Gory, Moscow, Russia, 119296; wordfnew@mail.ru